

Павел Васильевич Анненков

**Две зимы в провинции и  
деревне. С генваря 1849 по  
август 1851 года**



Литературные воспоминания

Павел Анненков

**Две зимы в провинции и деревне.  
С января 1849 по август 1851 года**

«Public Domain»

1882

## **Анненков П. В.**

Две зимы в провинции и деревне. С января 1849 по август 1851 года / П. В. Анненков — «Public Domain», 1882 — (Литературные воспоминания)

«Две зимы в провинции и деревне» были задуманы мемуаристом как продолжение «Замечательного десятилетия». Однако продолжение мемуаров так и не было написано. Остались лишь наброски, которые Л.Н. Майков в предисловии к сборнику «П. В. Анненков и его друзья» назвал, довольно точно охарактеризовав их специфическое назначение, «памятными заметками». Мемуарист делал эти заметки для себя, рассматривая их, очевидно, в качестве заготовок для будущей большой работы. В этих заметках для себя, заготовках для будущего мемуарного полотна Анненков гораздо откровеннее, чем остался бы, вероятно, в окончательно готовом для печати тексте. Конспект сохранил субъективные оценки Анненкова, которые скорее всего он убрал бы в процессе работы. Анненков здесь гораздо более «темпераментен», чем в «Замечательном десятилетии», например. Резка характеристика И. Панаева, который назван «большим вралем» и по отношению к которому употребляется даже слово «низость». Сурова и исторически несправедлива оценка деятельности Герцена и его хотя и «блестящего», но, считает нужным добавить Анненков, вместе с тем и «фальшивого ума».

## Содержание

Конец ознакомительного фрагмента.	7
Комментарии	

## **Павел Васильевич Анненков**

### **Две зимы в провинции и деревне.**

### **С января 1849 по август 1851 года**

1849 год. По приезде из Парижа в октябре 1848 года<sup>[1]</sup> состояние Петербурга представляется необычайным: страх правительства перед революцией, террор внутри, предводимый самим страхом, преследование печати, усиление полиции, подозрительность, репрессивные меры без нужды и без границ, оставление только что возникшего крестьянского вопроса в стороне<sup>[2]</sup>, борьба между обскурантизмом и просвещением и ожидание войны<sup>[3]</sup>. Салтыков уже сидит в крепости за свою повесть<sup>[4]</sup>, пересмотр журналистики и писателей. На сцену выступает Бутурлин с ненавистью к слову, мысли и свободе, проповедью безграничного послушания, молчания, дисциплины<sup>[5]</sup>. Необычайные теории воспитания закладывают первые камни для тяжелого извращения умов, характеров и натур.

Я спешу с братом Федором в деревню, куда призывает меня страшно расстроенное положение дел и предполагаемый раздел имения с братом Александром, главным виновником этого положения благодаря картежной своей игре. Катерина Ивановна, поднявшая этот вопрос, должна сама явиться в Чирьково. Я рад убежать из Петербурга.

Новый год 1849 в деревне с Катериною Ивановною, Стрекаловым, братьями. Раздел. Страшные морозы. Набор только что кончился. Брат Федор уезжает после того. Иван вскоре за ним из Чирькова с Катериной Ивановной, которой предоставлено управление имением и которая уже возненавидела нашего дельного Адама. Александр остается в Чирькове до переезда в Скрябине, где будет строить дом<sup>[6]</sup>. Я уезжаю в Симбирск до весны. Адель Б., Лидия К., Татаринов. Терроризация достигла и провинции. Города и веси сами указывают, кого хватать из так называемых либералов; доносы развиваются до сумасшествия; общее подозрение всех к каждому и каждого ко всем. Анекдот о Михаиле Лонгинове, приезжавшем для закупки хлеба на военное ведомство, принятом за жандарма и подавшем повод вопросами обо мне подозревать, что и я в числе намеченных жертв. Между тем у лихоимцев, казнокрадов и наиболее грубых помещиков развивается патриотизм – ненависть к французам и Европе: «Мы их шапками закидаем!» – и родомонтада<sup>1</sup>, скрывающая плохо радость, что все досадные вопросы о крепостничестве и проч. теперь похоронены. Отсюда и энтузиастическое настроение относительно правительства. Возникает царство грабежа и благонамеренности в размерах еще не бывалых. Я получаю эстафету из Москвы. Тучков А. А. приглашает меня приехать в Москву для крайне нужного дела. Это дело – устройство состояния Огарева, за которое взялись Грановский, Кетчер и другие<sup>[7]</sup>. К числу этого устройства принадлежало и то, чтобы одну дочь Тучкова выдать в законный брак... Выбор пал на меня. Я отказался. Подвернулся Сатин: его женили. Все это происходило при крайнем негодовании Грановского. Летом объезжаю заволжских помещиков, Григория Толстого, Ермолова и других, и посылаю первые «Провинциальные письма» в «Современник», где в первом номере 1849 года напечатано было и мое «Обозрение литературы»<sup>[8]</sup>.

По зиме 1849 года приезжает в Симбирск новый губернатор, князь Черкасский; старый – Булдаков, известный по истории с Полторацким, был величественный распутник, обжора, тонкий человек, которого особенно боялись купцы: он на прогулках забирал у них вещи и остался должен после смерти всем – мясникам, магазинщикам, доктору, аптекам и проч.

В виде продолжения к летним прогулкам следует сказать о двухдневном плавании из Богородска до Симбирска в рыбацкой лодке в большом обществе с Толстым, Ермоловым, Чер-

---

<sup>1</sup> Родомонтада (фр. *rodomontade*) – фанфаронство, хвастовство.

нявским, Постниковым и прочими. Характеристический анекдот у Ермолова, еще в деревне: какой-то Бахметев простодушно рассказывает, как были взяты из Москвы и увезены в крепость Корш (Евгений) и Грановский. Все это оказалось вздором, но важно, что слухи эти нарочно распускались как указание правительству на лица.

Осенью выезжаю из Петербурга через Скрябино, куда брат Александр переехал. Его трогательная просьба – не забывать. У нас между тем все доходы предоставлены Катерине Ивановне с тем, чтобы она выдавала по 150 р. каждому брату в месяц, а остальными покрывала долги; последствия были страшны. Вместо покрытия долгов, самонадеянная бабка не заплатила процентов в опекунский совет за два года, сделала еще новые долги и окончательно надела петлю на шею братьев и мою, да и на свою, ибо для удовольствия быть хозяйкою чужого добра заложила собственное имение, Хунту.

Проездом через Москву Садовский читает у В. П. Боткина первую комедию Александра Островского «Банкрут». Потрясающее ее действие<sup>[9]</sup>. Приезжаю в Петербург на квартиру брата Ивана, в новом строении конногвардейских казарм на Мойке, которые еще достраивались, когда в них уже жило множество народа.

*Зима 1849–1850 годов.* Осень прошлого кончающегося года ознаменовалась наконец окончанием следствия над заговором Петрашевского, стоившим так много несчастий и страхов всему обществу, совершенно безвинному в нем<sup>[10]</sup>. Манифест об окончании следствия и приговор, постигший как самого Петрашевского и составителей будущей конституции вроде Спешнева и прочих, так и людей, читавших по его знаменитым пятницам только свои проекты освобождения крестьян, улучшения судопроизводства и заметки о настоящем внутреннем положении России, и даже людей, любивших его хорошие ужины по тем же пятницам, написан был Суковкиным, государственным секретарем. Удивительно, что в манифесте было известие, будто заговорщики, устроив тайное общество, сами назвали его обществом «превратных идей»; дело в том, что они назвали его обществом «передовых идей»; но на полях была сделана полемическая заметка: «превратных идей», – так оно вошло в манифест, о котором я узнал впервые в квартире очень испуганного Некрасова... Приговор был исполнен – с готовым батальоном для расстреливания, саванами для осужденных, рвом позади их и проч. на Семеновском плацу, – со всею обстановкой политической казни, измененною на известное помилование. Ф. Достоевский попал на пять лет в арестантские роты за распространение письма Белинского к Гоголю, писанного при мне в Зальцбрунне в 1847 году. Как нравственный участник, не донесший правительству о нем, я мог бы тоже попасть в арестантские роты. Приговор состоялся под ужасом февральской революции, с которой начинается царство мрака в России, все увеличивавшееся до 1855 года. Так же точно, или еще счастливее, спасся Николай Милютин, тогдашний начальник отделения в хозяйственном департаменте: заговорщики назначили его в министры, но свидетельство о нем, по связям Милютина с Перовским и Киселевым<sup>[11]</sup>, было утаено или, как говорили, даже выкрадено известным И. Липранди, следователем, который на других выместил эту поблажку. Я видел одну из его жертв, помешавшегося в крепости азбучника Балас-Оглу, который никогда и очень боек не был<sup>[12]</sup>

## **Конец ознакомительного фрагмента.**

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.

## Комментарии

1.

Анненков возвратился в Россию в конце сентября 1848 г

2.

О «крестьянском вопросе», то есть робких подступах к отмене крепостного права, обсуждавшихся секретным порядком в правительственных сферах в 1847 г., Анненков знал из писем Белинского к нему (см. Белинский, т. XII, стр. 436–439, 468).

3.

Ожидание войны — в связи с намерением царя задушить военной силой революционное движение в странах Европы, в частности в Венгрии.

4.

Специальный секретный «особый» комитет, созданный царем в конце февраля 1848 г. во главе с морским министром А. С. Меншиковым для проверки упущений цензуры в периодической печати с целью искоренения «вредного направления» в литературе, обратил особое внимание на повесть М. Е. Салтыкова-Щедрина «Запутанное дело», напечатанную в марте этого года в «Отечественных записках». 21 апреля Салтыков был арестован и содержался сначала на адмиралтейской, а затем на арсенальной гауптвахте (см. С. Макашин, Салтыков-Щедрин. Биография, т. 1, М. 1951, стр. 294). 27 апреля царь утвердил доклад следственной комиссии по его делу и приказал сослать писателя в Вятку.

5.

Граф Бутурлин Д. П. (1790–1849) – действительный тайный советник, член государственного совета; с 1848 г. председатель секретного цензурного комитета с особыми полномочиями, созданного в целях пресечения вольномыслия; настаивал на закрытии университетов, был сторонником установления казарменного режима в учебных заведениях, сокращения программ, исключения философии из числа наук, преподаваемых в университетах.

6.

Имена братьев Анненкова, Ивана и Федора, сравнительно часто встречаются в его переписке с друзьями – Боткиным, Белинским и др. И тот и другой занимали видные должности (Иван дослужился до генерал-адъютанта, Федор был в пятидесятых годах нижегородским губернатором) и живо интересовались литературными делами и знакомствами своего младшего брата.

7.

В кругу московских «друзей» Н. П. Огарева много говорилось по поводу его гражданского брака с Н. А. Тучковой и какой-то «темной истории» в связи с женитьбой Н. М. Сатина и фиктивной покупкой им имения Огарева. Эти слухи и пересказывает здесь Анненков. В действительности же речь шла о спасении Огарева от разорения в связи с иском, предъявленным к нему его первой женой, М. Л. Огаревой, у которой он просил развода для того, чтобы иметь возможность оформить официально брак с Н. А. Тучковой. Огарев, вместе с Тучковыми, приезжал в начале 1849 г. в Петербург хлопотать о разводе с М. Л. Огаревой. Хлопоты не привели ни к чему. Огарев и Тучковы уехали в Москву. Здесь 27 мая состоялась свадьба старшей дочери А. А. Тучкова, Елены Алексеевны, с Н. М. Сатиным. Огарев и Н. А. Тучкова уехали в Крым с целью бежать за границу (см. об этом в отрывке из воспоминаний Н.



А. Тучковой – «Архив Огаревых», 1930, стр. 260–261, а также в письмах Огарева к Герцену в публикации Ю. Красовского – ЛН, т. 61, стр. 777–796).

**8.**

«Письма из провинции» П. В. Анненкова печатались в *Современнике* в 1849, 1850 и 1851 гг. и были затем переизданы автором в 1877 г. в отд. 1 Воспоминаний и критических очерков (см. отзыв Некрасова об этих «Письмах» в его письме к Анненкову от 30 сентября 1850 г. и во второй части «Обозрения русской литературы за 1850 г.» з № 2 «Современника» за 1851 г. – Н. А. Некрасов, Полн. собр. соч. и писем, т. X и XII, М. 1952).

**9.**

Речь идет об одной из первых комедий А. Н. Островного, которая в первоначальном варианте называлась «Несостоятельный должник», в варианте, законченном к концу 1849 г. и широко читавшемся в Москве самим автором и его другом, актером Провом Садовским, – «Банкрут», в дальнейшем – «Свои люди – сочтемся».

**10.**

Петрашевский Михаил Васильевич (1821–1866) – с середины сороковых годов организатор в Петербурге нелегальных кружков социалистического направления. В апреле 1849 г. Петрашевский со своими ближайшими единомышленниками, а также и многие, им сочувствующие и посещавшие их собрания, – так называемые «пятницы», были арестованы по обвинению «в организации общества, направленного к разрушению существующего государственного устройства». Осенью того же года следствие закончилось и многие из привлеченных (в том числе Ф. М. Достоевский) были приговорены к расстрелянию, инсценированному затем по всей форме, но замененному, в последнюю минуту, якобы по милости царя, разными сроками наказания.

**11.**

Речь идет о Н. А. Милютине, племяннике министра государственных имуществ графа П. Д. Киселева, служившем под началом Л. А. Перовского, тогда министра внутренних дел. Анненков преувеличивает близость Николая Милютина к кругу Петрашевского.

**12.**

Имеется в виду Баласогло Александр Пантелеймонович (род. 1813 – год смерти неизвестен) – петрашевец, поэт, автор учебного пособия по русскому языку. В 1849 г. был арестован, но освобожден от суда и сослан в Олонецкую губернию на службу под секретным надзором. Стихи Баласогло напечатаны в сб. «Поэты-петрашевцы», Л. 1940.